

СТИХИ

Лина Казакова

Я думала, что прожить не зря –
Это дороги,
Книги, города, трепетный ветерок случая,
Комнаты белые,
Где несколько десятков человек
Слушают, затаив дыхание, одного – лучшего.
Каково же было мое удивление,
Когда оказалось, что прожить не зря –
Это прибежать без десяти десять в «Центральный»
И найти-таки за «Беллактом» последнюю банку гипоаллергенного «Нана»,
А потом, по дороге обратно,
Услышать «Мы вас попросить хотели...»
И, переложив все пакеты в одну руку, чтобы не ставить на землю,
Стареньким телефоном на фоне елки
Сфотографировать маму с маленьким сыном,
Так, чтобы было хоть что-то видно и не совсем криво,
И еще отправить открытку в Марьину Горку
Тете Тане Шитиковой и тете Рене в Липень.

На новый снег приедет старый трактор,
И будет до утра реветь, как самурай,
И Зоя Павловна пожалуется кратко:
Кому-то красота, а нам хоть помирай.
Обходит педиатр свой участок,
Опять 42-й, где кот и попугай,
И старые стихи, как старый пластырь,
Не держатся, как их ни прижимай.

Дорожки не чищены в парке,
Но нечего нам терять,
Тихонько по ледяку шаркает
Гвардия января:
Серьезный папа с коляской
Слушает аудио-книгу,

Печальная дама с хаски –
Нового года интрига,
Женщина в пальто с пелериной,
Что котикам носит котлеты,
Старик с инвалидом-сыном,
Платошей сорокалетним.
И нет на должности наши новых кандидатур,
И нет ничего честнее низких температур.

Какую радостью простою
Вдруг наполняется душа,
Как бабочка на палец сядет,
Стоишь и смотришь, не дыша.
И тут же радость отпускаешь,
Что не по силам велика,
Как будто ей цены не знаешь,
Как будто глух и слеп пока.
Так мать, с работы отпросившись,
На детский утренник бежит,
И, опоздав, в пальто тяжелом
За спинами в дверях стоит.
И шепчет текст, а сын притихший,
Не веря, что пришла, всерьез,
Забывтое четверостишье
Не в силах повторять от слез.

Пока я долго-долго еду в машине,
Из питомника, где я выбирала елки,
Ты можешь рассказать мне, как ты всю осень закатывала банки,
И мне не надоест этот разговор нисколько,
Потом ты можешь рассказать мне про поликлинику,
Про то, как тебя чуть не обманули в банке,
Мне не будет скучно, я повторяю, нисколько,
Потому что я люблю тебя, елки.

Вы видели, как уходит жизнь?
Сквозь руки, жарящие котлеты,
Сквозь руки, моющие пол,

Сквозь руки, которые день изо дня ставят на плиту чайник,
Сквозь руки, которые держатся за поручень в переполненном автобусе.
Казалось нам, все это есть и без нас,
Но вот задумалась мать с ложкой каши в руке –
И остановилась река,
Замерли ветры,
Перестал падать снег.

У людей на скошенных балконах
Не цветы, не кресла из ротанга –
Старые там ящики лежат,
Грязные мешки, остатки плитки,
Из-под телевизора картон.
Скажут им – ну что ж вы запустили?
А они болели, тосковали,
Много лет не видели дороги,
Утром поднимались через силу.
У людей на скошенных лужайках –
Фирменная смесь дерновых трав,
Бельведер в саду и вертикуттер,
В щелях мох искусственный,
Который специальной кисточкой наносят:
Измельчить подушечку из мха и туда добавить сахар с пивом.
Безупречен их живой бордюры –
Серебристая листва с бордовой.
Но декоративный водоем – вот, конечно, головная боль,
Знали бы – заранее б отказались.

ПИОНЕРСКАЯ ПЕСНЯ

Положи – все что есть – на их столы, в их слова,
Откажись – и от красоты, и от волшебства,
И если выбор, ну ты знаешь, между добром и злом –
Всегда будь с теми, которым не повезло.
Выживи –
Один,
Будь примером всем, образцом,
Выдержи
Самый сильный удар – снег в лицо,
От ветра схоронись в подъезде, в углу,

И вспоминай тетю Соню – лопату ее, метлу.
Есть на свете общих законов – примерно пять.
Один из них – что кому-то всю жизнь в четыре утра вставать.
Второй, что про их детей скажут – сын уборщицы, проводницы дочь.
Третий, ну ты знаешь, про некоторых, про бесконечную ночь.
Четвертый, что счастья нет, но есть работа и есть окно,
В нем дед мороз показывает свое кино.
Ты смотри, смотри деда мороза кино
Там, за этим заледеневшим, есть другое окно.

И вроде давно привычно
Жить с тучкой у самых глаз,
Зальем пустоту водичкой,
За столько лет собралась.

Стоишь под мостом у речки –
И кто бы про дождь сказал –
Накрапывают человечки,
Которых не удержал.

Серая весна рыщет, как волк, выгребая остатки жизни,
Голодная, не жалеет ни людей, ни город.
Светло-серым подкрашивают скамейки и фонари неулыбчивые мужчины –
У них есть краска и все-таки дело какое-то.
И торчат из земли луковицы тюльпанов, как из штанов попы модниц,
И прикрывают пластиковые бутылки будущих клумб красоту упорную,
И, придерживая собаку, извиняется сосед: глупая она, на всех кидается,
Только неделя как взяли мы её с живодерни.

От плохих новостей телефоны лишаются звука,
Новостройки лениво цепляются за облака,
Осторожно спускается пух прямо в детские руки,
И у загса зеленые платья невест примеряет река.
И обсудят две женщины в парке, что дни упоительны,
Но не словом избыточным вертится шар голубой,
И глядит против солнца налево долго-долго уставший водитель,
И не выедет раньше, чем можно, он, мой дорогой.

Уже полупустыми, тихими бегут по парку паровозики,
У полусобранной конструкции строители сидят, как гвоздики,
И программист с велосипедика
Кричит мамаше: что ж вы, женщина,
Совсем вы не соображаете,
По нашей вы дорожке едете,
Ребенка хоть бы пожалели вы,
На вид нормальная вы, вроде бы,
Потом напишут на онлайнере:
Опять ужасный случай в городе.
Махнув рукой, умчится в бездны он,
И не успеет объяснить она,
Что нет как раз на этой лестнице
Для маленькой коляски съезда,
Что иногда делить приходится
Пространство парковое мглистое
С колясками и паровозами
Дизайнерам и программистам,
Вокруг в бессилии оглянется,
Подумает, что скоро осень,
Одни коляски тут останутся,
И старики, и паровозик.

Конец припомнишь фильма слезного
В кафе дорожном у прилавка,
Закат платочком бледно-розовым
Висит над каждою заправкой.
С тобой меняемся не глядя мы –
У всех похожие здесь судьбы,
И клен в окне желтеет прядями,
Как от беды седеют люди.

Как кассирша в пустом гастрономе, куда мы заходим с тобою,
Где любимые баночки наши всего по рублю,
Потому что мы миру обязаны всей, до конца, красотой,
Я надену парик, невидимкой его закреплю.
Встану я перед зеркалом утром, и в жалком ноябрьском свете

Я увижу, как тетя одним улыбается ртом,
Мы готовы к тому, что наступит вот-вот конец света,
Но к тому, что мы все погрустнеем, никто не готов.
Вот откроется мой гастроном и подъедет маршрутка,
Я приду на работу, я чай в перерыве попью,
Потому что предстать перед вами обычной хочу, а не жуткой,
Я надену парик, невидимкой его закреплю.
Не сидеть этим утром слепым мне в приемном покое,
Не тянуться мне телом свинцовым к дружку-костылю,
В виде платы ничтожной за то, чтоб пока еще слиться с толпой,
Я надену парик, невидимкой его закреплю.
Как она, я надену парик, самой красной я губы накрашу помадой,
Потому что не надо, не надо, не надо, не надо.

Два сварщика стояли у стены,
Сливаясь с ней, прозрачны, не видны,
И проступали лишь, когда варили,
Варили и как будто говорили,
Что в сером свитере и с искрой голубой
Когда-то смерть придет и за тобой,
Спешу же, заводю свою машину,
Она парковкой будет, и стеной,
И списком дел, и книжкой записной,
Она придет, она тебя обнимет,
И контуры стирая, и черты,
И сварщиком безмолвным станешь ты,
Сольешься со стеной невыносимой.

У нас в садике есть Илья,
Воспитательницы его называют «дембель».
Его забирают последним,
Приводят первым.
Пока остальные дети утром режут «где мама»,
Илья улыбается всем голубыми глазами.
Он встречает новеньких,
Целует их, обнимает,
Он едва говорит, но всё вообще понимает.
Он такой добрый, и это не потому что смирился,

А это, как будто птица влетела в него и в нем поселилась,
Как будто знает этот мальчик, что против чужого горя
Ничтожно его, как мышка перед горою,
И должны его смех и радость закрыть все дыры,
Не закрытые Еленой Викторовной и (не помню отчества) Кирой.